

ГЛАВА I

ПРЕДПОСЫЛКИ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ДРЕВЛЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

*«Полько тот истинный воин, кому есть
о ком поминать, есть за кого мстить».*

*М. Семёнова.
Валькирия.*

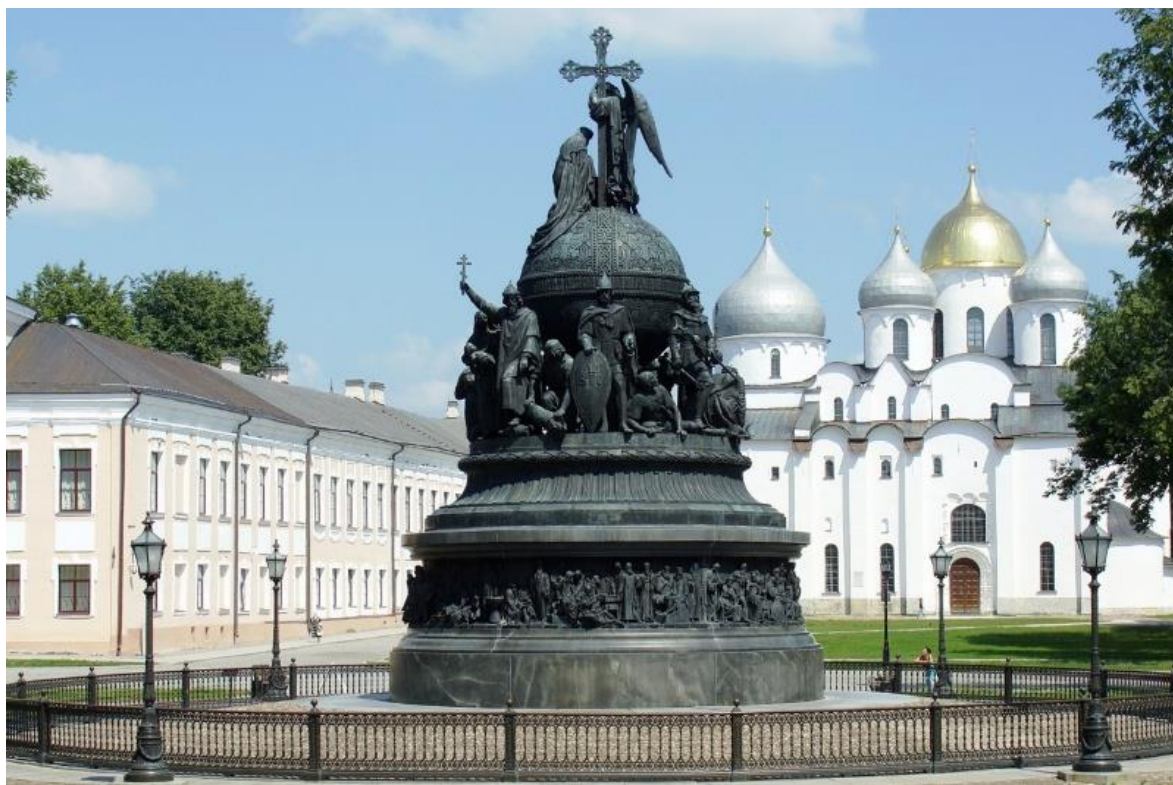
Первая глава этой книги посвящена периоду с начала XVII столетия и до середины XIX века. За те времена на присоединённых к Московскому государству его юго-восточных окраинах окончательно оформился особый — *историко-археологический пласт фольклорного сознания*, тип массовых настроений по отношению к памятникам далёкой старины (курганам, городищам, кладам и всем прочим). Эта сторона обыденного сознания и поведения русского народа, прежде всего крестьянства, расценивается ниже как **первый** — *донаучный, или же фольклорный, этап освоения национальной истории.*

*Художник Готфрид (Богдан Павлович) Виллевальде (1819–1903).
Открытие памятника «Тысячелетие России» 8 сентября 1862 года.
Фото с сайта краеведческого музея имени В.П. Бирюкова города Шадринска
(Курганская область), где хранится картина.*

Затем, по ходу модернизации России при Алексее Михайловиче, Петре I и его преемниках зародился и развивался независимый от материальной выгоды интерес представителей разных, — и высших, и средних — слоёв общества к разного рода древностям, уже не только утилитарно полезным, а чем-то, на их взгляд, удивительным, необычным, памятным. Хотя сверхзадачей того отрезка российской политики было так называемое «прорубание окна в Европу», усвоение достижений Запада в первую очередь. Местные древности поначалу выглядели невзрачно на фоне античных ваз и средневековых замков.

В царствования Александра I, всю остальную Европу победоносно прошедшего с русской армией, и особенно Николая I, всей Европе войну (Крымскую) в итоге проигравшего, руководители Российской империи всё сознательнее привлекают именно русские традиции, собственные историко-археологические и этнографические материалы ради обоснования и пропаганды государственной политики. Поворот культурной политики вовнутрь самой империи символизировал памятник тысячелетию России, установленный в Новгороде Великом по указу 1852 года Николая I его внуком Александром II в 1862 году — чтобы «благовестить потомкам о героическом прошлом России».

*Великий Новгород. Памятник тысячелетию России.
Авторы: художник Михаил Микешин,
скульптор Иван Шрёдер и архитектор Виктор Гартман.
Справа Софийский собор (1045–1050 годов постройки),
слева — филармония (бывшее здание присутственных мест).
Современный вид. Фото автора.*

Наступает **второй** — *преднаучный, или же историко-географический, отрезок отечественного древлеведения*; начинается сотрудничество столичных центров администрации и науки с местными деятелями по вопросам выявления и изучения разного рода древностей. Выйдя в общий ряд европейских народов и государств, просвещённые россияне захотели разобраться, а чем же они на самом деле владеют на огромном пространстве крупнейшей в мире империи. Историко-археологические сведения, ещё весьма скромные по размерам, занимали сугубо подчинённое, но уже самостоятельное место в сводках географического, экономического, военно-политического материала по районам страны.

По ходу и в результате столь систематического и комплексного «описания отечества» столичная и региональная историография выходит на **третий** уровень, получает особое направление своего развития, который можно назвать *пара (то есть около) научным — этапом любительского краеведения*. Это последнее получило в России особенно питательную среду своего существования и видоизменения при разных политических режимах, так что различные его формы с тех пор сопровождают отечественную историографию до сих пор. Отчасти к её пользе, отчасти, напротив, ко вреду и даже к угрозе для настоящей, так или иначе научной истории.

Впрочем, до революции 1917 года пользы для памятников истории и культуры было гораздо больше вреда им же. В большинстве губерний и областей империи создаются особые организации, полугосударственные, полуобщественные, среди обязанностей которых оказывались и вопросы археологии, истории, этнографии: губернские статистические комитеты, церковно-археологические комитеты, наконец, учёные архивные комиссии, которые, вопреки названию, занимались не только документальными, но и вещественными памятниками прошлого. Хотя государственное финансирование их поначалу отсутствовало, а затем оказалось скромным, энтузиазм любителей старины из разных сословий российского общества принёс немалые плоды — в виде музеев, печатных изданий, первых раскопок и этнографических, фольклорных экскурсий, тому подобных мер познания и увековечивания прошлого.

Историческая память привлекала к себе и богатых меценатов, дельцов и политиков патриотического толка, и служилую интеллигенцию, разночинцев, считавших своим долгом открыть глаза остальному народу на его героическое прошлое. Так называемое (уже при советской власти) краеведение начиналось обычно (и нередко заканчивалось) именно археологией — коллекционированием древних вещей и рассмотрением земляных да архитектурных памятников старины.

Без отмеченных шагов исторического самопознания России не могла бы затем возникнуть, в конец концов, и полноценная наука об отечественных древностях, которая и составила **четвёртый**, прямиком к современности ведущий отрезок центральной и местной историографии. Более или менее **научный** подход к историческим древностям, как исходя из возможностей позапрошлого и прошлого столетий, так и с точки зрения сегодняшней

гуманитаристики, начинается примерно на рубеже XIX–XX веков и продолжается с переменным успехом до сих пор, то есть до начала столетия XXI. Первые российские археологи, начиная с графа Алексея Сергеевича Уварова, тесно сотрудничали со скромными любителями древностей из российской провинции: на всероссийских Археологических съездах их доклады соседствовали; найденные на местах древние вещицы подвергались экспертизе в Императорской Археологической комиссии при Министерстве двора, а также в нескольких Императорских же Археологических обществах из старой и новой столиц, на историко-филологических да физико-математических факультетах опять-таки Императорских университетов. Именно выходцы из центральных и губернских учреждений археологии российской создавали археологию послереволюционную, советскую.

Эта последняя в чём-то пошла дальше своих отцов-основателей, а в чём-то растеряла их лучшие достижения. Огосударствливание всей науки, включая историю и археологию, стабилизировало их материальное обеспечение, но загнало в узкие рамки идеологии «марксизма-ленинизма». Немало исторических древностей было накоплено и опубликовано в СССР, но заметная их же часть оказалась утрачена, особенно в провинциальных музеях — из-за низкой квалификации и равнодушия их служителей, а также распродана по бросовым ценам за рубеж¹.

То же самое можно сказать об археологии уже снова российской, то есть постсоветской. Хотя распад СССР закономерно сократил ареал раскопок, но преодоление советских барьеров расширило международные связи российских археологов. Гигантски выросли технические возможности изучения древностей, интерес государства и общества к ним заметно усилился. Но либерализация общественной жизни имела и такое уродливое последствие, как «чёрная археология». Масса археологических находок теряется для науки и просвещения, уходя на полуподпольный рынок антиквариата, отечественный и зарубежный.

Отчасти закономерно, отчасти случайно, но именно Курский край и непосредственно прилегающие к нему территории дают показательные и рубежные для всей нашей страны образцы как пренебрежения, разрушения, так и сознательного сбережения, изучения памятников старины. На всех отмеченных отрезках русской археологии Курск занимал типичное, а нередко и знаковое, новаторское положение. Об этом и пойдёт у нас рассказ.

---

¹ См.: Вдовин А.С., Китова Л.Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е годы XX в. // Вестник Красноярского государственного университета. 2010. № 2. С. 171–182.